

The social life of evacuated populations in the Uzbek SSR during the war years

Madina ABDURAKHMANOVA¹

Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Tashkent

ARTICLE INFO

Article history:

Received February 2025

Received in revised form

15 February 2025

Accepted 15 March 2025

Available online

25 April 2025

ABSTRACT

The article, based on archival documents and scientific literature, reveals the social and everyday life of the evacuated population in the Uzbek SSR during the Second World War. It describes the assistance of the leadership and people of the Uzbek SSR in improving the social, everyday and labor situation of evacuated citizens, as well as the extensive work among the population to take in children whose parents fought and died at the front.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss2-pp139-146>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Keywords:

Evacuation,
placement,
population,
social life,
employment,
assistance.

Urush yillarida O'zbekiston SSRga ko'chirilgan aholining ijtimoiy turmush tarzi

ANNOTATSIYA

Kalit so'zlar:

Evakuatsiya,
joylashtirish,
aholi,
ijtimoiy hayot,
ish bilan ta'minlash,
yordam.

Arxiv hujjatlari va ilmiy adabiyotlar asosida tayyorlangan maqolada Ikkinchiji jahon urushi yillarida O'zbekiston SSRda evakuatsiya qilingan aholining ijtimoiy-maishiy hayoti ochib berilgan. Maqolada O'zbekiston SSR rahbariyati va xalqining evakuatsiya qilingan fuqarolarning ijtimoiy, yashash va mehnat sharoitlarini yaxshilashga ko'rsatilgan yordami, yetim qolgan bolalarni qabul qilish bo'yicha aholi o'rtasida olib borilayotgan keng ko'lamli ishlar bayon etilgan.

¹ PhD (Doctor of Philosophy in Historical Sciences), Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Tashkent. E-mail: wonderful.madison@gmail.com

Социальная жизнь эвакуированного населения в Узбекской ССР в годы войны

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

эвакуация,
размещение,
население,
социальная жизнь,
трудоустройство,
помощь.

В статье, основанной на архивных документах и научной литературе, раскрывается социально-бытовая жизнь эваконаселения в Узбекской ССР в годы Второй мировой войны. Описывается помощь руководства и народа Узбекской ССР по улучшению социального, бытового и трудового положения эвакуированных граждан, а также большая работа среди населения по принятию на воспитание детей, родители которых боролись и погибали на фронтах.

В Узбекской ССР эвакуированное население, прибывшее из прифронтовых регионов, распределялось по областям, городам и районам республики в соответствии с установленным порядком. Люди размещались в зависимости от потребностей различных отраслей производства. При этом условия труда и быта эвакуированных в колхозах значительно отличались от условий, предоставляемых городским жителям.

Это объясняется тем, что система нормативных актов, регламентирующих правовой статус эвакуированных, изначально делила их на категории, фактически устанавливая различия в уровне предоставляемых жизненных условий. В городах, как правило, размещались рабочие и служащие эвакуированных предприятий и учреждений, а также высококвалифицированные специалисты. В то же время в колхозы направлялось преимущественно неорганизованное население.

В связи с этим в городах внимание государственных органов и содержание соответствующих правовых актов было сосредоточено на вопросах бытового обустройства эвакуированных, тогда как в колхозах приоритетом являлось их трудовое устройство.

В контексте подобного отношения руководства СССР к эвакуированному населению определённое значение для их благополучия имели сезон эвакуации и география размещения. Несомненно, в более благоприятном положении оказывались семьи, прибывшие весной или летом, поскольку у них была возможность подготовиться к зимнему периоду: запастись продовольствием, посадить и собрать урожай, заработать трудодни в колхозах.

Следует отметить, что эвакуированным, размещённым в сельской местности, в отличие от городского населения, не выдавались хлебные карточки, что ставило их в более уязвимое положение с точки зрения продовольственного обеспечения.

Известно, что в условиях военного времени все жители тыла сталкивались с материально-бытовыми трудностями, связанными с размещением, жилищными условиями, трудоустройством, обеспечением питанием и санитарно-медицинским обслуживанием.

Размещение эвакуированных граждан являлось одной из первоочередных задач для принимающих областей и республик. Необходимость решения этой проблемы побуждала руководство Узбекистана искать действенные меры для выхода из сложившейся ситуации.

16 июля 1941 г. СНК УзССР принял постановление «О расселении и устройстве на работу прибывающих на жительство эвакуируемых семей». В соответствии с ним, облисполкомам, Оргкомитетам Верховного Совета УзССР и СНК КК АССР было поручено обеспечение размещения и трудоустройство семей советских партийных работников и семей начальствующего состава Красной армии, а также выдача им необходимой денежной и материальной помощи [1].

Одним из основных методов решения проблемы расселения являлось подселение прибывающих эвакограждан к городским жителям. Для их размещения было решено произвести уплотнение площади организаций и учреждений, а также населения, как в коммунальных, так и в частных домах.

Как отмечалось в воспоминаниях одного из эвакуированных в Ташкент писателей, «...были заняты помещения институтов, школ. Школы работали в три смены, институты теснились в одном здании, сливались учреждения, уплотнялись жилые дома. А эшелоны все шли и шли, и не только плановыми эвакуированными, которых Ташкент обязан был обеспечить жильем и помещением для предприятий, но и массу людей, которые прибывали самотеком, так называемых „диких“, бежавших от немцев, от бомбёжек, от страха холодной военной зимы, голода» [2].

9 декабря 1941 г. горисполкомами республики были приняты специальные решения. Например, согласно решению Джизакского Горисполкома «Об установлении на время войны нормы жилой площади в городах УзССР», на время войны предельная норма жилой площади в городе Джизаке была снижена до 4 м^2 на одного человека. В виде исключения, правом на дополнительную жилплощадь в размере 6 м^2 , включая и основную норму пользовались в первую очередь больные, страдающие болезнями, перечисленными в особом перечне, издаваемом Наркомздравом УзССР, а также ответственные работники, перечень должностей которых давал им право на дополнительную жилплощадь [3].

В качестве жилой площади использовались не только здания школ, больниц, клубов, но и архитектурные памятники старины.

В частности, для размещения 700 эвакуированных людей, в Бухаре были выделены три пустующих медресе. 26 декабря 1941 г. Бухкомстарис дал разрешение и передал временное использование этих медресе Бухарскому горисполку, который в свою очередь отремонтировал и приспособил эти помещения для проживания эвакуированных [4].

29 декабря 1941 г. для размещения в Тюря-курганском районе Наманганской области 350 человек были выделены фойе при зимнем кинотеатре и чайхана. Из местного бюджета была проделана побелка, ремонт и застеклены окна. Также выделены керосин и лампы, проведена дезинфекция данных помещений. После заселения жители были обеспечены дровами, а также топкой бани. Для перевозки эвакуированных граждан со станции Тюря-курган до района было выделено 80 арб [5].

11 ноября 1941 года СНК УзССР принял постановление «Об обеспечении жилплощадью эвакуированного населения», согласно которому на строительство бараков выделялось 4 миллиона рублей, в том числе на ремонт жилищ – 500 тысяч рублей, на счет отчисления от амортизации по коммунальным предприятиям – 2 миллиона рублей, на счет капитального ремонта жилищ – 1,5 миллиона рублей. В Ташкенте, Бухаре, Андижане, Коканде и Самарканде были отведены земельные участки для постройки бараков и землянок в черте города, вблизи трамвайных

путей, водопровода и электросетей. Среди населения был организован сбор досок и бревен, неиспользованных столярных изделий и прочих необходимых для строительства материалов. Для сооружения жилых помещений местное население совместно с трудоспособными эвакуированными методом «хашара» строили землянки [6].

В Сурхандарьинской области население размещалось в основном по Денаускому, Шурчинскому и Сары-Ассыйскому районам, в остальные районы области размещение эвакуированных производилось незначительное по причине того, что районы были расположены в пограничной полосе [7].

Так, по данным на 4 апреля 1942 г. в Денауском районе согласно проведенной переписи было учтено эвакуированных всего 678 человек. Для их размещения в колхозах была представлена для каждой семьи отдельная комната с койкой и столом, также были обеспечены семьи, живущие в совхозе. В райцентре эвакуированные были размещены согласно решению райисполкома, в коммунальных домах им было отведено 561 м². Кроме этого, представлено разными учреждениями жилплощадь после принятия на работу эвакуированных. Таким образом, по Денаускому району неразмещенных эвакуированных не имелось, все были обеспечены жилыми домами [8].

Жилищная неурядица эвакуированных в колхозах была связана с отсутствием правового регулирования жилищного вопроса. Если в отношении городов существовало постановление СНК УзССР от 11 ноября 1941 года № 1663 («Об установлении на время войны нормы жилой площади в городах УзССР»), которое указывало путь к удовлетворению жилищной нужды эвакуированных, то в отношении сельской местности какого-либо аналогичного постановления не имелось.

Известны лишь общие постановления ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР от 22–27 октября 1941 года за №1540/644 сс., в котором говорилось, что обязанность по устройству жилья для эвакуированных возлагается на советские и партийные организации. Постановление СНК УзССР от 11 ноября 1941 г. за № 1665 обязывало приспособить подсобные помещения (кладовые, сараи, гаражи, полуподвальные помещения и т.д.) под жилье как городской, так и в сельской местности. Постановление СНК УзССР от 8 декабря 1941 г. № 1844 касалось вопроса об изыскании строительных материалов и рабочей силы для устройства бараков и землянок для эвакуированных [9].

Из перечисленных постановлений можно сделать вывод, что в сельской местности в отличие от городов не предполагалось уплотнение местного населения. Однако на практике прибегали к смешанному приему размещения эвакуированных.

В сельской местности эвакуированных по возможности размещали в помещениях, принадлежащих самому колхозу (клубы, чайханы), или в пустующих домах. Так, например, Калининский райисполком направил основную массу эвакуированных в Чувалисинский сельсовет. Однако были случаи, когда подобных общественных или пустующих помещений не хватало и когда местные советы, а часто даже правления колхозов, направляли эвакуированных на жилье в собственные дома колхозников.

Так, например, по колхозу «Красный октябрь» Янгиюльского района часть эвакуированных была размещена в одном общем помещении, другая часть в доме одного из колхозников. Это имело место и по Среднечирчикскому району и по ряду других районов.

Помимо размещения прибывшего населения, другим важнейшим вопросом было обеспечение его продовольственной продукцией. Ухудшение положения с продуктами питания было неизбежным в военных условиях. К середине 1942 г. была окончена перестройка сельскохозяйственного производства и реорганизация системы снабжения. Обеспечение работников производства основными продовольственными товарами согласно установленным нормам начало вводиться через три недели после объявления войны [10].

В октябре 1941 г. был установлен и введен порядок выдачи продовольственных продуктов по карточкам. Данный порядок применялся в основном по отношению к городскому населению. В сельских местностях карточки не были введены, хлеб и другие продукты питания выдавались по спискам. Карточками обеспечивались лишь сельская интеллигенция (работники медицины, учителя, агрономы, зоотезники) и инвалиды войны, проживавшие в сельских местностях [11].

При ежемесячно утверждаемых Совнаркомом УзССР цифрах выдачи хлеба лицам, получающим его по спискам, в отношении эвакуированных в сельских местностях предусматривалась норма в 400 грамм на человека по всей республике. В действительности, из-за отсутствия специального правового акта, норма не проводилась в жизнь и фактическая норма снижалась по ряду районов до 150 грамм на человека [12].

Например, рабочие и служащие хлопкового завода «Савай» Джалақудукского района Андижанской области жаловались на то, что иждивенцы вместо установленной нормы в 200–150 грамм хлеба с 1 апреля 1942 г. начали получать по 100 грамм. «Как могла жить семья, где мужская часть была мобилизована на фронт и работала одна мать, на иждивении которой было 2–4 детей?» – писали в коллективном письме рабочие завода [13].

В колхозе «Азамат» Сталинского района Андижанской области с 1 января 1942 г. эвакуированным перестали выдавать хлеб, а в колхозе «Тулкун» этого же района хлеб не выдавался в течение месяца. Вместо хлеба выдавалось на семью мясо по 500 грамм на 4 дня. В колхозе им. Молотова Избаскентского района эвакуированные питались в основном репой и морковью [14].

Вопросы, связанные со снабжением хлебом эвакуированных, решались каждым районом, и даже каждым колхозом по-своему, из-за чего эвакуированные в пределах одного и того же района снабжались хлебом по совершенно различной норме и в совершенно различном порядке.

В колхозе «Мехнат» Учкурганского района Наманганской области трудоспособные эвакуированные ежедневно получали 400 грамм хлеба и 200 грамм муки, из которой на поле готовили два раза пищу без приправ и соли. Нетрудоспособные, в том числе и дети, ежедневно получали 200 грамм хлеба и 100 грамм муки для горячей пищи. В колхозе «Кзыл-Куч» того же района трудоспособным в день выдавалось по 80 грамм сечки и 400 грамм муки, на нетрудоспособного 80 грамм сечки и 300 грамм муки, горячая пища на поле не давалась. По данным на 2 мая 1942 года по Кайкинскому сельсовету Учкурганского района из размещенных 90 человек, на почве истощения умерло 5 человек, от истощения страдало 5 человек [15].

В некоторых колхозах Кокандского и Ташлакского районов Ферганской области эвакуированные снабжались по 400 грамм хлеба на одного человека, других продуктов питания не получали. В колхозе «Ёш куч» района им. Кагановича жители не получали хлеба по три дня [16].

В колхозах Самаркандской области, за исключением хлеба, эвакуированное население практически не получало других продуктов питания. Во многих хозяйствах продукты не выдавались и не продавались даже за деньги. В лучшем случае ограничивались выдачей 400 граммов муки, преимущественно ячменной, непросеянной, а в колхозе «Комсомол» – и вовсе недоброкачественной [17].

В более лучшем положении находилось население, эвакуированное в колхозы Сурхандарьинской области. Здесь, согласно указаниям райисполкома, на работающего выдавалось в день 600 грамм муки, 25 грамм масла, 50 грамм мяса, а нетрудоспособным по 400 грамм хлеба и разного рода овощей. Семьям, где имелись дети, ежемесячно выдавалось пособие в размере 100 рублей на каждого ребенка [18].

Подобная практика своей неопределенностью и случайностью способствовала передвижке эвакуированного населения из колхоза в колхоз в поисках лучшего и противоречила мероприятиям, направленным на оседание эвакуированных.

В течение всего военного периода уполномоченными организациями Узбекской ССР уделялось особое внимание таким аспектам, как улучшение условий жизни и труда эвакуированных граждан. Вопросы по улучшению их жилищно-бытовых условий были рассмотрены комиссией, созданной при СНК УзССР [19].

Из-за задержек с выделением материальных средств из центра большая нагрузка по улучшению быта эвакуированных падала на местный бюджет. Однако несмотря на имеющиеся финансовые трудности, партийно-государственные органы республики старались найти дополнительные возможности для размещения и обеспечения продовольственными товарами эваконаселения [20]. Так, для своевременного и качественного снабжения эваконаселения принимались разного рода решения и постановления, имевшие отношение ко всем областям республики.

Так, 2 августа 1941 г. по решению Ферганского облисполкома на размещение и обеспечение питанием и одеждой граждан, прибывающих в Ферганскую область, было выделено 1 000 рублей [21], а 7 августа в городе Коканде было выделено 10 тонн муки 2-го сорта, 10 тонн обойно-пшеничной муки, 1 тонна риса, 1 тонна пшена и 5 тонн макаронных изделий [22].

25 декабря 1941 г. Бюро обкома и облисполком распределили по районам области 140 000 рублей, предназначенных для эвакуированных. В январе 1942 г. облисполком дал всем райисполкомам указание обеспечить эвакуированных хлебом. В декабре 1942 г. для остронуждающихся было выделено 5 тонн хозяйственного мыла, 2 000 телогреек, 7 000 пар обуви [23].

В ноябре 1941 г. в Тахта-Купырском районе Каракалпакской АССР прибыло 59 семей численностью 256 человек эвакуированного населения, часть из них разместили в Райцентре, часть устроили в 6-ти колхозах. Каждого устроили по своей специальности и по состоянию здоровья. В течение одного месяца все были обеспечены работой и квартирами. Был произведен ремонт 19 и отремонтировано

9 квартир эвакуированным. Их детей устроили в детские учреждения: в детские сады было устроено 19 детей, в детские ясли 3, в интернат 9, из которых 8 выбыло в ФЗО г. Ташкент [24].

В соответствии с Постановлением СНК УзССР за № 711 от 19 мая 1942 г. при Ташкентском облисполкome был организован самостоятельный отдел по хозяйственному и бытовому устройству эвакуированного населения. Особо нуждающимся эвакуированным семьям была оказана материальная помощь. За время эвакуации до 1 сентября 1942 г. по районам Ташкентской области было выдано 2 560 пособий на сумму 111 127 рублей [25].

В заключение, можно сказать, что социально-бытовое обеспечение эвакуированного населения зависело от места его распределения по областям, городам и районам республики, где они размещались по отраслям производства. Жилищно-бытовые условия эвакуированных, размещенных в колхозах, значительно отличались от условий городских жителей. Если в городах была внедрена карточная система выдачи хлеба, то в колхозах хлеб выдавался строго по составляемым спискам. Также в колхозах наблюдалась большая скученность в жилых домах, плохие антисанитарные условия.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, руководство УзССР старалось уделять большое внимание улучшению социального, бытового и трудового положения эвакуированных граждан. Была организована большая работа среди населения по принятию на воспитание в индивидуальном порядке детей, родители которых боролись и погибали на фронтах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Государственный архив Наманганской области (ГАНО), ф. С-275, оп. 1, д. 33, л. 37.
2. Громова Н.А. – Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941-1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. – Corpus (ACT), 2019. – С. 193.
3. Государственный архив Джизакской области (ГАДО), Ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 17.
4. НАУз, ф. Р-837, оп. 32, д. 2892, л. 112.
5. ГАНО, ф. 275, оп. 1, д. 33, лл. 16, 17.
6. ГАФО, ф. 1124, оп. 7, д. 46, лл. 317-318.
7. НАУз, ф. Р-314, оп. 1, д. 56, л. 90.
8. НАУз, ф. Р-314, оп. 1, д. 56, лл. 53-56.
9. НАУз, ф. Р-837, оп. 32, д. 9954, л. 37.
10. НАУз, ф. Р-837, оп. 38, д. 9954, л. 13.
11. Бабаджанов Х. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистонда озиқовқат сиёсатининг амалга оширилиши. – Тошкент: Akademnashr, 2022. – Б. 53.
12. НАУз, ф. Р-837, оп. 38, д. 9954, л. 13.
13. НАУз, ф. Р-837, оп. 32, д. 3659, л. 62.
14. НАУз, ф. 314, оп. 1, д. 56, л. 161.
15. НАУз, ф. 314, оп. 1, д. 56, л. 45.
16. НАУз, ф. 314, оп. 1, д. 56, л. 195.
17. НАУз, ф. 314, оп. 1, д. 56, л. 148.
18. Государственный архив Сурхандарьинской области (ГАСурО), ф. 45, оп. 1, д. 118, л. 21.

19. ГАФО, Ф. 1124, оп. 7, д. 56, л. 298.
20. ГАФО, Ф. 1124, оп. 7, д. 56, лл. 298-299.
21. ГАФО, Ф. 1124, оп. 7, д. 56, л. 301.
22. ГАФО, Ф. 1124, оп. 7, д. 56, л. 288.
23. Вавилов Ф. Ферганская область в Великой Отечественной Войне. – Ташкент, 1988. С. 90.
24. ЦГА РК, ф. Р-551, оп. 1, д. 5226, л. 61.
25. ГАТО, ф. 652, оп. 1, д. 360, л. 1.